

УРОКИ ВОСПИТАНИЯ

Ю. А. Кульченко

МОУ Воронежская средняя школа № 63

С. Н. Пензин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 февраля 2010 г.

Аннотация: в связи с Годом учителя авторы размышляют о роли этой профессии в современном обществе, анализируют нашумевший телесериал «Школа», исследуют принцип «воспитывающего обучения» на примере нового предмета воронежских школ «Культура общения» и ту помощь, которую его преподаванию может оказать медиаобразование.

Ключевые слова: школа, урок, учитель, ученик, образование, воспитание, развитие, формирование личности, воспитывающее образование, медиаобразование.

Abstract: in connection with the Year devoted the Teacher the authors of the article contemplate on the role of this profession in modern society, analyze the sensational "School" series, study the principle of "fostering education" basing on the example of the new school subject "Communication culture" and make a conclusion about how the use of media can promote the subject.

Key words: school, lesson, teacher, pupil, education, fostering care, development, personality formation, fostering education, media in education.

Объявленный в Российской Федерации Год учителя — повод задуматься о сложных проблемах формирования юной личности, об отношениях учащихся с теми, кто их учит, и с окружающими, о педагогической компетентности родителей. Выходит, что это событие касается всех, кто заинтересован в преемственности школьного и вузовского образования, в гармоничном единстве семейного, школьного и общественного воспитания. (Сегодня порой — это «лебедь, рак да щука».)

Мы оба с ранних лет преклоняемся перед учительской профессией — наши мамы были учительницами. 55 лет назад мы окончили филологическое отделение истфилфака ВГУ. Один из нас 22-летним выпускником ВГУ по направлению приехал в среднюю школу села Афанасьево Липецкой области. С собой привез два мешка книг и керосиновую лампу — электричества там не было. Отработав в селе три года, вернулся в Воронеж. Был рядовым классным руководителем, завучем (в воронежских школах № 48, 63 и ШРМ № 29), директором школы № 75. Сейчас преподает «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) в школе № 63.

«Доцент» в переводе с латинского тот же «учитель». Так что и другой из нас имеет прямое отношение к преподавательской профессии: свыше сорока лет в вузах.

«Учитель, перед именем твоим...»

Учитель — это не только профессия и должность, но еще и миссия — нести свет знаний, пробуждать у питомцев, как в старину говорили, душу. В связи с исключительным значением учителя в жизни любого человека есть у нас мечта, которой хочется поделиться. Сейчас принято сооружать памятники не только конкретным деятелям, но и обобщенные. Например, в Калуге перед драмтеатром открыт монумент Зрителю с табличкой в руках: «Нет лишнего билета?» В Год учителя в знак нашей всеобщей любви и благодарности почему бы не соорудить в Воронеже памятник Учителю? С надписью на цоколе:

«Наставникам, хранившим юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадим».

(А. С. Пушкин)

Из бронзы отлита должна быть, конечно, женщина — «учительница первая моя», ибо труд этот стал в основном уделом прекрасного пола. В очках, с доброй улыбкой и с книгой или тетрадкой в

руках. А внизу, на круглом постаменте, могут провести хоровод мальчишки и девчонки...

Скульптору не надо будет искать композицию и внешность бронзовой фигуры: проект давно готов. Это героиня легендарного фильма «Сельская учительница» Варвара Васильевна Мартынова. Именно ее образ, одухотворенный чувством любви к детям, сознанием долга перед ними, пусть станет олицетворением подвига скромных тружеников на ниве народного просвещения.

Фильм «Сельская учительница» (1947) имеет прямое отношение к нашему городу. Его режиссер — М. Донской, сценаристка — М. Смирнова, но фактический автор замысла — Андрей Платонов. Наш великий земляк был не только литератором, но и кинематографистом, ему принадлежит свыше десятка сценариев. Увы, фильмы по ним не ставились, за единственным исключением: «Песчаная учительница». Картина, правда, вышла под другим названием, а сценарий был переписан молодым кинодраматургом М. Смирновой. В титрах читаем: «Айна» («Песчаная учительница»), Союзкино (Моск. ф-ка), 1931 г. Сцен. М. Смирнова (по теме А. Платонова), реж. Н. Тихонов.

М. Смирнова признавалась, что была поклонницей Андрея Платоновича, и после войны его «Песчаная учительница» послужила импульсом для создания ею сценария «Сельской учительницы». В обоих фильмах городская барышня отправляется учительствовать в глухое село. Обеим героиням удастся не только просвещать юные души, но и приносить пользу деревне, жертвуя личной жизнью... В современной терминологии «Сельская учительница» — свободный ремейк немой ленты. В титрах и этой картины следовало указать: «по теме А. Платонова».

Исполнительница главной роли народная артистка СССР В. Марецкая в 1960 г. приезжала в Воронеж по приглашению общества «Знание». «Сельская учительница» — ее звездный час, поэтому естественно, что первое выступление состоялось у будущих учителей, в актовом зале пединститута. Актриса начала с того, что многие зрители пишут ей, называя ее «милая Варенька», «Дорогая Варвара Васильевна» — именем любимой героини.

Нас легко обвинить в прекрасодушии — восхищаемся давним фильмом, который явно приукрашивал и действительность, и школу. Но школа — это не только сегодняшний день, но и наше завтра, которое мы всегда будем идеализировать. Учитель, как никто другой, работает на будущее. На наш взгляд, не только городская барышня Варенька, впервые попавшая в деревню, порой отрывалась от нашей грешной земли и витала в об-

лаках. По большому счету мечтателями выступали все педагоги-новаторы, которыми мы гордимся. Не случайно большинство из них верили (и мы с ними солидарны!), что личность должна воспитываться в коллективе. Таковыми вправе считать семью, детсадовскую группу, школьный класс, студенческую группу, заводской цех, корпорацию и т.д.

А. С. Макаренко одним из первых разработал теорию коллективного трудового воспитания и воплотил ее в практику колонии малолетних преступников им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. У одного из нас долго хранилась память о той коммуне — ФЭД, первый отечественный узкоплечный фотоаппарат, который начали выпускать юные коммунары. «Добродетель взращивается посредством дела, а не посредством болтовни», — считал Я. А. Коменский.

Коллективизм Макаренко прослыл «жестким». Пример «мягкого» — наш кумир Василий Александрович Сухомлинский. Макаренко о своих экспериментах рассказал в документальных повестях «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях». Самая яркая книга Сухомлинского — «Сердце отдаю детям». Одному из нас посчастливилось побывать на экскурсии в Павлышской средней школе Кировоградской области, учителем и директором которой много лет был Василий Александрович. Ее недаром называли «Павлышским оазисом». Экскурсионный автобус привез на окраину большого села, где располагался комплекс школьных построек. Учебный участок площадью около 5 гектаров примыкал к лесу. Между ним и колхозными полями дети еще при жизни Сухомлинского заложили полезащитные полосы. Рядом со школой и ее стадионом — сад и виноградники. Плодоносящий сад — это реальность и одновременно символ педагогики Сухомлинского. Нам показали теплицу и зеленую лабораторию, небольшую водную станцию школы, ее пасеку, детский театр и кинозал, домик кружка юных строителей, где изготовлялись настоящие железобетонные плиты, блоки. А еще — ветряную электростанцию, мастерские, гараж для учебных автомашин и тракторов. В отдельном здании — библиотека, а в самой школе помимо учебных кабинетов и всевозможных лабораторий — несколько комнат для чтения.

Предвидим возражения: это-де была витрина «развитого» социализма, типичное образцово-показательное детское учреждение, куда возили не только отечественных экскурсантов, но и зарубежных. Да, Сухомлинский был членом-корреспондентом АПН СССР, начальство ему ни в чем не отказывало. Но это потом. А сначала он просто трудился вместе с детьми, был их «консультантом», когда все вместе сажали яблони, разбивали ви-

ноградник, строили крольчатник... Он непрерывно размышлял, как, с кем, ради чего воспитывать детей. Пришел к выводу, что воспитание — это постоянное духовное общение учителя и учеников. Вся его кипучая деятельность опиралась на стройную теорию, сердцевина которой — личность ребенка как величайшая ценность, как уникальный мир. В личности есть то, к чему не имеет права прикасаться никто, даже коллектив. Представляете? И это во времена, когда существование и взрослых, и детей было строго регламентировано приказами свыше. А он выступал за обучение и воспитание без принуждения: «Трагедия нашего воспитания состоит в том, что оно лишь исправляет недостатки, в то время как необходимо находить и возвращать достоинства».

Всё новое входит в нашу жизнь благодаря отдельным энтузиастам. Кто-то первым додумался когда-то до весла, колеса и многого другого. Точно так же и в школе — кто-то прокладывает дорогу остальным. У каждого учителя есть свои кумиры, на которых хочется равняться. Мы восхищаемся опытами донецкого учителя-новатора Виктора Фёдоровича Шаталова. Как и Сухомлинский, он был сторонником «сотрудничества» учащихся и учащихся. Доказал на практике, что ученики могут пройти всю школьную программу, рассчитанную на 10 лет, за девять. Причем весь класс с одинаковым успехом — сплошь на пятерки.

Нас могут спросить: а что бы делали ваши идеальные наставники в «Школе», показанной по TV? Справились бы с современными «детками»?

«Школа» тревоги нашей

Согласны, что и времена, а следовательно, и школа сейчас другие. По мнению С. Переслегина, «в области образования кризис проявляется в «девальвации» образования; в снижении ценности и социальной значимости образования; в снижении социального и экономического статуса преподавателя (школы, вуза); в увеличении времени получения обязательного образования; в резком снижении «возраста первичной потери познавательной активности» (с 15—16 лет до 10—11 лет); в непрерывном падении уровня общественно обеспеченных знаний; в отсутствии у граждан сколько-нибудь связной и цельной картины мира; в распространении функциональной неграмотности» [1, с. 180].

На наш взгляд, бурная полемика по поводу сериала «Школа» доказывает справедливость названных и многих иных болевых точек образования. Из высказываний защитников сериала:

Е. Ямпольская (зам. гл. редактора «Известий»): «Германика снимает не про изменчивый

школьный мир, но про вечный, неизменный, одинаковый и для Царскосельского лицея, и для ПТУ (пардон, колледжа) мир подростка. Это противный мир. Мир против всех. Истерика плоти, неясные томления духа, бунт, бессмысленный и беспощадный, и прочий декаданс... Они жестоки. Эгоистичны. Вульгарны... Они покупают в ларьках не только «крошку-картошку», но также пиво и сигареты. Покупают — потому что им продают. Ходят зимой без шапок. Красят патлы в морковный цвет. Думают только о сексе. Когда они уйдут со школьного двора под звуки нестарящего вальса, учителя перекрестятся. Если вы спуститесь на улицу, минуете два квартала и не встретите подобных существ, — побейте Германику камнями».

В. Путин (во время встречи со студентами Чувашского университета): «Я не видел этого сериала, не смотрю его — просто у меня времени не хватает, а если сам не смотрел, то не хотелось бы, как в советские времена: «Солженицына осуждают, правда, сам не читал». Может быть, этот режиссер так видит сегодняшнюю ситуацию в образовании России, так видит сегодняшнюю молодежь, так видит подрастающее поколение. Но я думаю, что какими бы острыми отдельные случаи не являлись, необоснованно делать обобщающие выводы и обозначать тенденцию. Обратиться на это внимание, наверное, нужно, а истерику по этому поводу устраивать не только нецелесообразно, но и вредно».

Против:

В. Кичин, обозреватель «Российской газеты»: «Близорукость поклонников сериала просто удивительна. Они... не знают, как студия УФА сделала цивилизованных немцев покорным Гитлеру стадом и как успешно Эрнст и его коллеги отучают своих зрителей от самого этого процесса — рассуждать, сопоставлять, прогнозировать, думать».

А. Фурсенко, глава Минобразования: «Чтобы понять ситуацию в сегодняшней школе, лучше не сериал посмотреть, а изучить результаты ЕГЭ... И в этом смысле сериал «Школа» — это не вся правда о школе. Я бы сказал, это полуправда. А показывать полуправду, наверное, не совсем корректно, поскольку она сбивает, уводит от истинной картины... Надо показывать честно. У Рея Бредбери есть рассказ «Детская площадка». Так вот, это гораздо более жесткое произведение, чем вся 60-серийная «Школа»: там на 10 страницах рассказано абсолютно всё. И ничего сверх того, что там написано, в сериале нет. К тому же все показанное имеет отношение скорее не к школе, а к обществу, проблемы которого в моменты кризисов и переломов усугубляются. Я уж не говорю

про те несоответствия в фильме, на которые уже обращают внимание школьные педагоги» [2, с. 7].

На наш взгляд, сериал служит убедительной иллюстрацией того плачевного состояния, в котором находится современное обязательное образование. При том, что телевизионная школа расположена в приличном здании на уровне всех технических требований: просторный вестибюль, удобная раздевалка, пищеблок, кабинеты с новой мебелью, наглядными пособиями и т.д. Впечатляет мощная система наблюдения: охранники, видеокамеры...

Главная заслуга режиссера Валерии Гай Германики — умение показать персонажей достоверными. Отсутствие звезд, подлинность интерьеров, «прыгающее», неровное изображение, снятое под документальное кино, — все это усиливает впечатление правды жизни. Телефильм заставляет над многим призадуматься. Почему столь беспомощны взрослые — родители и учителя? Последние производят тягостное впечатление: серые, безликие. Главным аргументом в баталиях с учениками служит неудовлетворительная оценка. Выходит, что других приемов воздействия на учащихся они не знают. Даже в учительской во взаимоотношениях между собой не проявляют дружелюбия, сопереживания.

Не радуют и их подопечные из 9 класса «А». Почему они одерживают над взрослыми верх и по сути предоставлены самим себе? Почему и у взрослых, и учеников нет интереса к духовным ценностям? И, наконец, почему в школе полностью отсутствует воспитание? Имеем в виду не репрессии в виде двоек и попытки исключить главного «нарушителя спокойствия», а кропотливую ежедневную работу.

«Педагогический энциклопедический словарь» определяет школу как «учебно-воспитательное учреждение» [3, с. 319]. Следовательно, на плечи учителя возложена двойная нагрузка: учить и воспитывать. Не знаем другой должности, где требовалось бы выполнять одновременно столь трудные задачи. Возьмем для сравнения наиболее близкую учительской профессии врача. Он точно так же имеет дело с людьми и несет за них ответственность. Но только за их здоровье. Нравственность подопечных больных — добрые они или злые — его не интересует.

Миссия учителя — познакомиться с основами накопленного человечеством знаний и одновременно (внимание!) сформировать юную личность, подготовить к будущей жизни за порогом школы. При том, что, в отличие от родителей, у него не один и не пара воспитанников, а целые классы. По нормам 70-х гг. в классе должны были сидеть

не менее 42 учащихся, в классе современной городской школы — не менее 25, сельской — 14. Может ли простой смертный выдерживать такую ношу? В результате из двух задач одной приходится жертвовать. Легко догадаться какой.

Если бы в аттестате зрелости была бы графа, отражающая итоги воспитания, у большинства выпускников стоял бы прочерк. Не по вине отдельных учителей, а в силу сложившихся традиций и установок. Вся школьная система выстроена так, что основное внимание уделяется обучению. В связи с научно-техническим прогрессом перед учителями и учащимися из года в год ставится задача расширения и углубления знаний по общеобразовательным предметам. Это приводит к перегрузкам школьных программ, к перенапряжению умственной деятельности добросовестных учащихся. Возникает новая проблема — проблема их здоровья.

Сериал «Школа» подтверждает, что учитель беспомощен, у него нет времени на настоящую работу по воспитанию. А зачастую — и способностей. Ведь это не дело — на уроке литературы одновременно спрашивать ученицу и про гражданскую лирику Лермонтова, и где она провела ночь. «Я учительница, а не дрессировщица», — с гордостью отвечает бедная Валентина Харитоновна на упреки директора. Ребята ненавидят свою классную, та отвечает им тем же. Как тут не вспомнить слова В. Розова о наших лучших фильмах о школе, которые «объединяют учеников и учителей и как бы говорят: «Пожалуйста, уважайте, понимайте, любите друг друга, иначе ваша совместная жизнь в школе будет мучением, в то время как школьные годы должны быть и оставаться в памяти самыми счастливыми» [4, с. 9].

Из трех источников воспитания — семья, школа, общество — в телефильме ощутимы лишь первый и последний. Разумеется, в школе кроме учителей каждый общается с соклассниками, товарищами. В сериале их влияние (точнее — давление) друг на друга огромно, но сплошь негативно. То, что показано в «Школе», — не вина молодежи, а ее беда. Отбросив старую идеологию, вместе с «водой» выплеснули и «ребенка» — самостоятельные организации детей и подростков, которые служили мощными рычагами воспитания.

Из современной школы изгнан и труд, не связанный с приготовлением уроков. Детям не прививается трудолюбие, большинство растут барчуками. У тинейджеров энергия бьет ключом, почему бы не направить ее на полезные дела? Разве не заслуживает доброго слова тимуровское движение — добровольная помощь тем, кто в ней нуждается? В возрасте юных персонажей «Школы»

мы оба были пионервожатыми, приучались заботиться не только о себе, но и о других, опекать младших. Один из нас после 8 класса все лето проработал (без вознаграждения) в пионерлагере вожатым, «пас» без помощи взрослых отряд малышей.

«Детки» из телефильма озабочены лишь собственным благополучием, до окружающих большинству из них дела нет. Теперь о главном, на наш взгляд, просчете сериала: там напрочь отсутствует то, что именуется духовной жизнью. В идеале любое учебное заведение — это «дум высокое стремление», приобщение к духовности. В «Школе» и взрослые, и дети обходятся без нее. Старшеклассники не вспоминают о прочитанных книгах, о театре, кино, музыке, не спорят на отвлеченные темы, не размышляют, как князь Болконский, «что есть жизнь, что есть любовь». Их жизнь пуста. Все их помыслы и разговоры — лишь о «текущем моменте». Никто не возвышается над суетой мелочных забот. В этом мы видим просчет не только и не столько действующих на экране учителей, сколько авторов телефильма.

В Воронеже в начале нового тысячелетия изданы две талантливые книги Д. Г. Левитеса «для тех, кто учит». В одной из них автор, в прошлом учитель, размышляет над «болевыми точками» школы: «Воспитание? Говорить об этом серьезно сегодня язык не поворачивается, хотя душа болит... Так что же это такое, сегодняшняя школа? Для небогатых — очаг просвещения и некоторый шанс поступить в вуз, а значит — впоследствии как-то «почище» устроиться в жизни. Для подавляющего большинства — дань традиции и «камера хранения», куда дети сдаются на определенное время, чтобы с ними чего-нибудь не случилось, пока родители заняты элементарным выживанием» [5, с. 92].

Воспитывающее обучение

Неизвестно, кто придумал уроки; теоретически обосновал их Я. А. Коменский. Основа современной школы — классно-урочная система: ученики распределены по классам, знания им преподаются порциями — на уроках. А если так, урок должен послужить и благородному делу воспитания.

В школе каждому знаком циркуляр о триединстве задач урока: обучать, развивать, воспитывать. Не все предметы, темы программы могут быть одинаково полезны в воспитательных целях. Но учитель вынужден постоянно изобретать «воспитательные моменты», иначе любой проверяющий отметит «отсутствие творческого подхода к проведению...» и прочие «грехи».

К «воспитывающим» предметам наряду с литературой, «Культурой общения», ОБЖ следует отнести историю, обществознание, биологию, ботанику. (Можно ли мириться с тем, что детям неизвестны названия птиц, деревьев, цветов родного края?) А еще есть уроки физкультуры, музыки, изобразительного искусства. Считаем, что их воспитательный потенциал в современной школе используется недостаточно. На ОБЖ, «Культуру общения», музыку, изобразительное искусство по программе отводится по одному часу в неделю (а то и еще меньше) в средних классах. Этого, конечно, недостаточно для всестороннего развития школьника, для расширения его кругозора.

Еще не столь давно столица предписывала всё, вплоть до времени, отводимого на изучение той или иной темы. К примеру, четыре часа на изучение дождевого червя, столько же — на роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Как только с учителя были сняты жесткие ограничения, начались попытки обновления школьной жизни. Идея воспитывающего обучения вызрела давно. В Воронежском областном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования решили претворить идею в жизнь: предложить курс, который одновременно обучал бы и воспитывал.

Так родилась «Культура общения». «Отцом» ее стал профессор И. А. Стернин, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ. Он постоянно полон новых замыслов, напомним лишь один: телефонная справочная «Служба русского языка». С ней легко избежать ошибок: позвонил 52-11-83 с 16.00 до 18.00, и все сомнения позади. Новый предмет задуман в виде подобной же «справочной службы» широкого профиля. Он призван отвечать на массу вопросов: как себя вести, что одевать, как говорить, спорить, мириться... «Культура общения» — гордость воронежцев; в школах других регионов ничего подобного нет. Это, как говорится, глоток свободы, местная инициатива.

Один из нас после окончания ВГУ поехал работать в редакцию архангельской газеты «Отважный воин». Приняли его в отдел писем, и в первый же день высыпали на его стол кипу солдатских конвертов. И новичок растерялся, не знал, что с ними делать. Тогдашнее филологическое высшее (!) образование не включало в свою программу навыки работы с письмами. В учебниках «Культура общения» под редакцией И. А. Стернина переписке посвящены уроки «Зачем, о чем и как писать письма», «Поздравительные письма» (5 класс), «Приемы сжатия текста» (6 класс), «Обязательные письма», «Этикет личной переписки» (8 класс) и др.

А телефон? Чего проще: подними трубку, говори и слушай. Но раскройте раздел «Этикет телефонного разговора»; урок может быть полезен не только шестиклассникам, но и взрослым, начиная с первого совета: «Не ведите по телефону пустой болтовни». А как быть с мобильниками? В театрах вешают объявления: «Пожалуйста, не отвечайте по мобильникам во время спектакля». А в общественном транспорте можно непрерывно болтать с далекой подругой, мешая остальным спокойно ехать?

Из громадного комплекса полезных советов остановимся на правилах поведения в общественном транспорте и на природе. В автобусе рекомендовано «пропускать вперед пожилых, женщин, детей; не бросаться к свободным местам, чтобы первому сесть; без напоминания уступать место старшим и пассажирам с детьми» [6, с. 119]. Надо ли говорить, что за редким исключением школьниками данное правило игнорируется. Да и молодцы — кровь с молоком — очень редко и неохотно поднимаются, когда входит инвалид с палкой или мамаша с младенцем. Дальше в учебнике — грустная информация: «Чтобы размокла, рассыпалась, смешалась с почвой брошенная в лесу газета, нужен как минимум год. Для полиэтиленового пакета потребуются десятилетия. Осколки разбитой бутылки будут обезображивать нашу прекрасную землю веками» [6, с. 143]. Увы, вновь на практике, — никаких выводов. Окрестные дубравы, берега чудной Усманки — свалки мусора.

Думаете, сейчас последуют призывы уступать места в общественном транспорте старшим, а в лесу одноразовые тарелки и прочие останки пикника не оставлять под кустом, а уносить (увозить) с собой? Не спешите, речь о другом. В. Розов в беседе с молодежью как-то добродушно заметил: «Да не вставайте вы, ради Бога, если вам не хочется!» Драматургу было около девяноста, на фронте он потерял ногу. Но готов был постоять, лишь бы не сгонять мальчика насильно, против желания. Улавливаете разницу? Вежливость должна стать потребностью, а не навязываться со стороны. Воспитать потребность в одиночку без помощи родителей и общества школе не под силу.

Причины геронтофобии (неуважения к старости) связаны с духом времени. Раньше жизнь менялась и обновлялась медленно. Пожилым людям удавалось совмещать преимущества опыта, власти, знаний, авторитета. Сейчас все изменилось. Почтение к «преклонным летам» и «сединам» сменилось пренебрежением к старости. Сумасшедшие скорости обновления технологий, навыков, образа жизни обесценили в глазах большин-

ства опыт и знания пожилых. Консерватизм стариков, осторожность, верность привычным идеалам и стереотипам, их стремление сохранить проверенную жизнью «порядок вещей» стали восприниматься юным поколением негативно. Господство принципа потребления и удовольствия также неизбежно ведет к пренебрежительному отношению к старости, которая явно проигрывает молодежи в потребностях. Пожилой человек не может, да и не хочет придерживаться высокоскоростных стандартов в потреблении товаров, услуг, информации. Таким образом, старики, не способные следовать «молодежному образу жизни», не вправе рассчитывать на уважение.

Можно сослаться еще на уроки «Взрослые и дети», «Роль ученика и общение с учителем» и на множество других полезных разделов, советы которых быстро выветриваются из головы наших тинейджеров. Почему столь пассивно (если не в штыки) встречен новый предмет? Очень просто: он не стал осознанной потребностью, как, скажем, тот же диктат моды. Там господствует конформная реакция: все молодые летом в шортах или трусах, — и я расстанусь с джинсами. Так почему бы не сделать супермодным уступать места старшим и не сорить на природе?

К сожалению, наши школы не воспользовались чудесным подарком: новый предмет «не работает». «Культура общения» без практической пользы обесмысливается. Ее назначение — научить жить среди людей. А если будущий гражданин продолжает существовать как во младенчестве (только «дай, дай!»), не замечая других людей и окружающую природу, не думая и не считаясь с ними, то получается, что правы противники воронежского эксперимента, жалеющие для него часы.

Казалось бы, другой «воспитывающий» школьный предмет — ОБЖ уже на старте в более выгодном положении: согласно социологическим опросам среди неудовлетворенных потребностей лидирует потребность в безопасности. «Основы безопасности жизнедеятельности» стали вводиться в образовательные учреждения России с 1 сентября 1991 г. (Постановление Совета Министров РСФСР от 14 мая 1991 г. № 253). В пояснительной записке к программе справедливо отмечалось, что в современном мире участились чрезвычайные ситуации (ЧС) природного, техногенного и социального характера, создающие угрозу для жизни и деятельности человека. Анализ причин ЧС свидетельствует, что 80 % их происходят из-за низкого уровня профессиональной подготовки, безответственности и неумения правильно вести себя в экстремальных условиях.

Курс ОБЖ вводился с 1 по 11 классы из расчета одного часа в неделю (а в 10 классе — даже два). Родители, общество должны были бы ликовать: школа взялась готовить будущих граждан к безопасному, здоровому образу жизни. Но... «хотели как лучше, а получилось как всегда». ОБЖ не стал приоритетным предметом, его программу сразу же начали перекраивать. К примеру, в начальных классах вопросы ОБЖ передали курсу «Окружающий мир», в 9 классе вообще исключили, из-за чего выпали важнейшие темы о безопасности личности и государства, основы медицинских знаний и т.д. Поэтому не случайно девятиклассники в сериале «Школа» после занятий спешат к ларьку за сигаретами и пивом. Уроки ОБЖ им на пользу не пошли.

На наш взгляд, преподавателям «воспитывающих» предметов полезно опереться на новое направление в педагогике — медиаобразование. Любой учитель знает, как важно и как это безумно сложно взять класс в плен, заставить себя не просто слушать, а вместе размышлять над проблемой, сделать учеников своими единомышленниками. А что если на какое-то время слушателей превращать в зрителей? Преподаватель Е. В. Калач в монографии «Киновоспитание гражданина» поделилась ценным опытом использования кино и ТВ для исторического образования и воспитания молодежи. Автор в зональной научной библиотеке ВГУ обнаружила несколько статей на эту тему в российских педагогических изданиях Серебряного века. Столетней давности! Так, в восьмом номере журнала «Вестник воспитания» за 1914 г. статья И. Саввина «Кинематограф на службе истории и истории литературы»: «Настанет время, когда каждая школа будет немыслима без кинематографической фильмы... Но кинематограф выступает еще как пособие истории и как истолкователь художественных произведений» [7, с. 16].

Насколько кинематограф способен увеличить воспитывающую роль урока, покажем на примере литературы. При изучении романа Л. Толстого «Анна Каренина» советуем показать кинофрагмент. Но не из экранизации одноименного романа, совсем нет. В фильме С. Соловьева «Спасатель» один из девятиклассников на уроке признается по поводу «Анны Карениной»: «Вот мне, например, все фокусы Анны Аркадьевны просто отвратительны. Нет, правда. Если просто взглянуть. Не как в литературе, а как в жизни. По-человечески. Живет себе молодая дама. Недурна собой. Муж, сын, достаток. Явился, видите ли, жеребчик из военнослужащих. Мужа, конечно же, в шею. На сына наплевать. А потом жеребчик охладел. Опять тихий ужас. И мы так огорчились, что рванули под

первый подвернувшийся товарняк. И все это — со значительной миной, с такой, что мне непременно восхищаться надо. А если я, допустим, восхищаться не хочу, что делать?».

Впереди сидящая девочка тихо произносит: «Я тебя удушю». Юноша удивлен: «Интересно знать, за что?» Девочка все так же тихо: «За подлость пересказа». Сюжет романа, что и говорить, изложен вольно. Кто-то спросит учителя, нравится ли ему Анна. «Да, очень», — ответит тот и найдет точные слова для ее характеристики: «Вот Толстой отчего-то запомнил, как его грудного пеленали. И все говорил про воспоминание это: «нехорошее», «страшное». Называлось это — свивать. Руки, ноги, голову перепеленывали туго — не пошевелинешься. Младенец рос, взрослел, мужал, старился, но его все «свивали». И все новыми свивальниками. И назывались они год от года благороднее — долг, семейная нравственность, вера, мораль...».

«Но ведь еще в каждом бьется живая душа, — взволнованно продолжал учитель. — Вот она то спелената и бывает. Получается, пути обязательно надо рвать. Хоть это и не просто совсем. Больно. И смеху вокруг много. Смеются те, которые свои «свивальники» уже давно за благо держат... Вот от них, этих пут, Анне Аркадьевне освободиться и хотелось. А вокруг, конечно, смеялись. И, конечно, боль».

Вот вам пример, каким мощным воспитательным импульсом для саморазвития может стать урок литературы. А в телесериале «Школа» преподаватель литературы не смогла поступить так, как Лариков в «Спасателе». Главный «возмутитель спокойствия» Епифанов на уроке все в том же 9 классе пытался, подобно сверстнику из «Спасателя», развенчать другого классика — Пушкина. Особенности его творчества объяснил «необыкновенной величиной»... детородного органа. Учительница промолчала. А ведь вариантов возражения нахальному оболтусу множество. Можно было бы сказать: «Главное, что делает нас людьми — язык. Владение словом — демаркационная линия, которая принципиально отделяет нас от животного мира. Так вот до Пушкина в литературе был один язык, после него — совершенно иной: простой, естественный и современный. Мы разговариваем, пишем и читаем книги на языке Пушкина».

Воспитатель — это не только наставник, убеждающий, что важно быть вежливым, или родитель, хватающийся за ремень со словами: «Я тебя отучу!..» Медиаобразование напоминает и о такой форме воспитания: ученик удобно расположился в мягком кресле, перед ним сверкающий всеми

цветами радуги экран, на котором его сверстники напевают: «Бабочки летают, бабочки...» Ему и невдомек, что просмотр фильма «Розыгрыш» — это и урок на моральную тему «Лгать нельзя никогда!» Урок кино.

Школе, как видим, тоже приходится освобождаться от «пут» и осознать принципиальное отличие обучения от воспитания: учитель передает ученикам готовые знания; воспитатель вступает с ними в диалог, вместе с классом прямо на уроке ведет поиск истины.

Мы убеждены, что уроки «Культуры общения», ОБЖ, других «воспитывающих» предметов — это реальный шанс сделать школу центром не только обучения, но и воспитания. Они заслуживают особого к себе отношения, специальной методики. Необходим тесный контакт с родителями; без поддержки семьи воспитывать учащихся невозможно. И еще требуется помощь вузов. К слову, все студенты ВГУ (на разных курсах) изучают те же самые «Основы безопасности жизнедеятельности», есть специальная кафедра. Надо ли говорить, как полезно было бы школьным и вузовским педагогам встретиться, посоветоваться, обсудить проблему преемственности. То же самое справед-

ливо в отношении преподавания литературы, истории, музыки, изобразительного искусства.

Год учителя должен послужить напоминанием, что от школы зависит будущее страны, и она нуждается в помощи всего общества. Мы все заинтересованы в том, чтобы наша школа не походила на своего телевизионного собрата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Переслегин С.* Предельно неустойчивое развитие / С. Переслегин // Нева. — 2009. — № 5.
2. Мнение // СК Новости. — 2010. — № 2 (268).
3. Педагогический энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, 2002.
4. Цит. по: *Полонский Г.* Ключ без права передачи : три киноповести о школе / Г. И. Полонский. — М. : Искусство, 1980.
5. *Левитес Д. Г.* Отлучение. Несвоевременные мысли о школе / Д. Г. Левитес. — М. ; Воронеж, 2004.
6. *Грищук Е. М.* Культура общения. 5 класс. Этикет и речевой этикет / Е. И. Грищук, Л. Д. Мудрова, И. А. Стернин ; под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВОИПКРО, 2005.
7. *Калач Е. В.* Киновоспитание гражданина / Е. В. Калач. — Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009.

МОУ Воронежская средняя школа № 63

Кульченко Ю. А., преподаватель

Воронежский государственный университет

Пензин С. Н., кандидат искусствоведческих наук, доцент

Secondary School № 63, Voronezh

Kulchenko Yu. A., Teacher

Voronezh State University

Penzin S. N., Candidate of Arts, Associate Professor